

Исследования коллективной памяти: канон и архив у Ассмана и Фуко

Меньшикова Мария Александровна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: 1789maris@gmail.com

Исследования коллективной памяти, касающиеся её текстового измерения, предполагают, что коллективная память может существовать в форме канона и в форме архива.

По мнению египтолога Яна Ассмана, канон - это одна из форм существования коллективной памяти. В каноне находятся признанные тексты, и их не может быть слишком много. Священные тексты, которые находятся в религиозном каноне, нельзя дописывать, переписывать и критиковать, они созданы для того, чтобы их бесконечно повторяли в неизменном виде. Тексты светского канона выполняют функцию мерила: они задают критерии того, какой текст считать значимым. Находящиеся в каноне тексты созданы для повторного применения, они притязают на нормативность. Можно вывести некоторый смысл из обращения и предать забвению, если не обращаться к соответствующим текстам. При этом тексты не уходят в абсолютное небытие - они уходят в архив, откуда могут вернуться в обращение: полного забвения не существует. По Ассману, каноны сменяются в переломные моменты истории, когда старая традиция уступает новой. И, что важно, каноны изменяются благодаря тому, что в архиве сохраняются не вошедшие в канон тексты: в том числе из них составляется новый канон.

Значение канона текстов состоит в том, что он даёт точки опоры, определяет, на что нужно равняться при отборе и написании новых легитимных текстов. Канон обладает нормативностью: он работает на «заострение инвариантности» и «укрощение вариативности» [1, с. 133], то есть очерчивает границы допустимого высказывания, устанавливая границы между «ортодоксией» и «ересью». При этом нормы, установленные каноном, общеобязательны: канон выступает всеобщим ориентиром.

Ассман выделяет два вида канона. Первый выступает как принцип культурной гетерономии: в этом случае существует одна главенствующая дисциплина с устоявшейся догматикой или идеологией, от которой зависят все остальные области культурной практики. Второй вид канона в противовес первому представляет собой принцип культурной автономии: канон не делает властных авторитарных приказов, как в первом случае, а выделяет особые дискурсы из общего культурного контекста и тем самым «обеспечивает выход принципов из-под охраны авторитарных постановлений и приказов на свободный простор очевидности и верифицируемости» [1, с. 125]. Из этого следует, что канон может обладать освобождающей силой (во втором случае) или закрепощающей (в первом случае) в зависимости от того, на что опирается канон: на авторитарную власть или на рациональные (проверяемые) и очевидные принципы и общее мнение. Однако отказывать гетероному канону в рациональности и очевидности нам видится не совсем правильным с методологической точки зрения: в этом случае становится невозможным обосновать устойчивость гетерономных канонов, кроме как через прямое авторитарное насилие. С другой стороны, приписывание рациональности (проверяемости) и очевидности исключительно автономному канону упускает важный вопрос: если нельзя спросить, кем установлен канон (что известно в случае гетерономного принципа), то как поддерживается сама опора автономного канона - его «рациональность», «очевидность» и «общее мнение»? Вероятно, за действенностью обоих видов канона стоит не только насилие или рациональность.

Как было сказано, тексты, не вошедшие в канон, уходят в архив. Архив в понимании Ассмана - это хранилище, содержание которого потенциально доступно, но не представлено в актуальной памяти, то есть в нём находятся забытые тексты, но не утраченные навсегда. Содержимое архива, согласно Ассману, отличается тем, что оно «не обжито». Удаление текста в архив - это форма забвения, которое почти никогда не бывает абсолютным, тем более в этом случае. Текст в архиве - это «могила смысла», а не «живая память» [1, с. 98].

Понимание архива Ассманом радикально отличается от того, что вкладывает в это понятие Мишель Фуко. Архив у Фуко - это «общая система формирования и преобразования высказывания» [2, с. 245]: он определяет то, что в принципе может быть сказано, то есть ограничивает поле высказываний (как и о чём говорят, границы возможного высказывания). Сам архив, по Фуко, невозможно описать полностью, он дан фрагментарно. Роль архива заключается в том, что благодаря ему всё сказанное сочетается между собой: архив «утверждает высказывание в качестве событий» [2, с. 243]. Но для Фуко больше важно не то, что может быть сказано, а то, что сказано не было и что сказать невозможно: для Фуко большой интерес представляют пропуски, лакуны, зазоры, разрывы.

Архив в смысле Ассмана - это память в форме хранилища, если учитывать, что работа памяти в широком смысле включает в себя и забвение; архив у Ассмана противопоставляется канону. Фуко вкладывает в понятие архива практически противоположный смысл: архив можно обнаружить в практиках высказывания, это то, что стоит за каждым высказыванием в рамках определённого дискурса. Несмотря на разницу в трактовках архива у Фуко и Ассмана, оба смысла понятия можно применять к одному и тому же исследовательскому объекту (коллективной памяти некоторой группы): архив как удалённые из канона, намеренно забытые тексты и архив как механизм образования высказываний.

Источники и литература

- 1) Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004.
- 2) Фуко М. Археология знания. / Пер. с фр. М. Раковой, А. Серебрянниковой. - М.: Гуманитарная академия, 2012.
- 3) Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. // Неприкосновенный запас. 2006, № 2-3 (40-41).
- 4) Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.